

Л.Е. Гальперин

**Общественное движение в
царствование Александра
Второго**

**Исторические очерки, с
гравюрами фото-тинто**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л.Е. Гальперин**
Общественное движение в царствование Александра Второго: Исторические очерки, с гравюрами фото-тинто / Л.Е. Гальперин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 167 с.

ISBN 978-5-458-13118-6

В бытность свою наследником престола Александр Николаевич был убежденным противником освобождения крестьян и всяких либеральных преобразований. Вместе со своим воспитателем поэтом Жуковским он вынес тяжелые впечатления из революционной эпохи 1848 г. в Европе.

ISBN 978-5-458-13118-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

416 человекъ (298 мужчинъ и 118 женщинъ). Общіе протесты принимаютъ характеръ волненій, которыхъ съ 1826 по 1854 годъ, т.-е. за періодъ въ 29 лѣтъ, было 556, или по 19 ежегодно. Эти волненія достигали иногда большихъ размѣровъ. Такъ, въ 1849 г. въ Курской губерніи въ волненіи принимаютъ участіе крестьяне нѣсколькихъ имѣній въ числѣ 10.000 человекъ. За волненіями слѣдуютъ жестокія усмиренія при помощи военной силы, военные постои, экзекуціи и пр. Внушительное впечатлѣніе производитъ и районъ, который охватывало движеніе. Такъ въ 1849 году волненія распространились на 27 губерній.

Мы остановимся подробнѣе на связанныхъ съ Крымской войной крестьянскихъ волненіяхъ, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ которыхъ и была произнесена знаменитая рѣчь Александра Николаевича передъ московскими дворянами о необходимости крестьянской реформы сверху въ виду возможности революціи снизу.

Движеніе было вызвано указами о морскомъ ополченіи 3 апрѣля 1854 года и о народномъ ополченіи 29 января 1855 года и распространилось въ первомъ случаѣ на 10 губерній, во второмъ—на 7. Распространились слухи, что поступленіе въ ополченіе повлечетъ за собой полное освобожденіе, какъ для ополченцевъ, такъ и для ихъ семействъ, и крестьяне массами спѣшатъ записываться и бросать своихъ помѣщиковъ; этимъ правительству было поставлено даже въ необходимость обуздывать крестьянскій патріотизмъ въ интересахъ доблестнаго сословія и незыблемости устоевъ.

Особенно интересно по спутанности отношеній между тремя заинтересованными сторонами, крестьянами, помѣщиками и правительствомъ и по широтѣ лозунговъ было вызванное указомъ о народномъ ополченіи крестьянское движеніе въ мартѣ и апрѣлѣ 1855 года въ Кіевской губерніи.

Здѣсь еще сохранились въ памяти народа традиціи былой казацкой вольности, и въ силу этого социальному, по преимуществу, движенію сообщался еще и явно политическій характеръ. При всей своей лойяльности, преданности царю и виѣшнихъ выраженіяхъ патріотизма крестьяне домогались не только земли и личной свободы, но и широкой мѣстной автономіи.

Помѣщики, въ большинствѣ поляки, могли быть заинтересованы въ политическомъ движеніи крестьянъ противъ правительства, но боялись потерять свои привилегіи крѣпостниковъ.

Со своей стороны правительство, склонное всегда поддерживать разнь между мятежными поляками-помѣщиками и православнымъ малороссійскимъ населеніемъ и культивировать среди крестьянъ преданность къ церкви и царю, отнюдь не могло потворствовать движенію, подрывавшему основы и грозившему въ случаѣ удачи разлиться по всей Россіи.

Эти своеобразныя условія и заставили правительство отнестись къ кievскому движенію гораздо мягче и тактичнѣе, чѣмъ къ волненіямъ въ великорусскихъ губерніяхъ.

Рекрутскій наборъ не пользовался симпатіями крестьянъ, наоборотъ, они всячески отклонялись отъ тяжелой повинности. Но, когда запись на службу казаками прочно сплелась въ представленіи населенія съ „золотой волей“, взрывъ патріотизма сдѣлался всеобщимъ. Крестьяне огромными массами записываются въ казаки и угрозами заставляютъ священниковъ приводить ихъ къ присягѣ. Скоро подъ вліяніемъ разныхъ слуховъ у тѣхъ же священниковъ начинаютъ требовать вышедшій якобы манифестъ о волѣ и разыскиваютъ его по церквамъ, гдѣ его якобы припрятали отъ крестьянъ въ угоду помѣщикамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне поголовно отказывались отъ исполненія какихъ бы то ни было повинностей по отношенію къ помѣщикамъ и отъ всякаго вообще повиновенія, хотя и сохраняли полную неприкосновенность какъ имущества, такъ и личности своихъ господъ.

Потеряли всякій авторитетъ и мѣстные полицейскія власти и выросло значеніе громады и мірскихъ выборныхъ, которые, несмотря на всю смуту, сумѣли сохранить все время образцовый порядокъ въ охваченныхъ волненіями мѣстностяхъ.

Требованія крестьянъ формулировались громадами просто, коротко и достаточно краснорѣчиво. „Посовѣтуйтесь между собой“, побуждали крестьяне силой священниковъ, „и рѣшайте написать насъ всѣхъ вольными казаками, дать намъ присяги, что мы уже не панскіе, что поля и дуга—наши, и все, что есть у пановъ, наше жъ. Оно и есть такъ, ибо мы и наши предки за все это уже отработали“.

Въ виду упомянутыхъ выше соображеній и согласно Высочайшему предписанію „дѣйствовать... на крестьянъ преимущественно убѣжденіемъ, не прибѣгать къ военной силѣ безъ неизбѣжной въ томъ необходимости“ власти вначалѣ дѣйствительно старались вразумить крестьянъ и объяснить имъ ошибочность ихъ пониманія указа, но крестьяне и не думали вѣрить этому, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ сознательно притворялись невѣрующими. „Батюшка“, прошепталъ одинъ крестьянинъ на ухо увѣщавшему его священнику, „мы и сами добре знаемъ, що такого указа нема, колы жъ намъ хочется, щобъ винъ бувъ“. И они продолжали посылать своихъ ходяковъ со списками ополченцевъ къ кievскому генераль-губернатору Васильчикову. Тогда стали пороть ходяковъ, но и имъ не вѣрили, хотя они и обнажали свое тѣло для удостовѣренія своихъ словъ. Тогда власти вынуждены были перейти къ самымъ крайнимъ мѣрамъ и употребить въ дѣло штыки и пули, хотя это и не входило въ первоначальные расчеты. Въ охваченныя волненіями мѣстности было отправлено 16 эскадроновъ кава-

леріи, 2 роты саперъ, резервный батальонъ Бѣлевскаго егерскаго полка и 1 дивизіонъ. За увѣщаніями пошли аресты, военные посты, экзекуции и кровавыя столкновенія, изъ которыхъ самыя крупныя произошли въ с. Мал. Березнѣ Сквирскаго уѣзда, с. Вѣковой Греблѣ Васильковскаго уѣзда и селахъ Таганчѣ и Корсуни—Каневскаго. Въ одной Корсуни на полѣ сраженія осталось около 12 убитыхъ и 27 раненыхъ; со стороны солдатъ оказался убитымъ одинъ офицеръ и около 10 солдатъ получили ушибы. Всего же въ Кіевской губ. за 1855 годъ было убито по официальнымъ даннымъ около 36 человекъ и 57 ранено. Многіе изъ боязни отвѣтственности умирали дома и не попали въ указанное мѣсто.

Такая сознательность, организованность и широта требованій кіевскаго движенія могли внушить большія опасенія. Послѣ такой подготовки можно было при благопріятныхъ условіяхъ ожидать и гораздо болѣе серьезнаго взрыва.

Въ великорусскихъ губерніяхъ движеніе поднималось дважды въ 1854 и въ 1855 гг. 3-го апрѣля 1854 года былъ обнародованъ указъ о морскомъ ополченіи для сформированія гребной флотиліи на Балтійскомъ морѣ. Въ ополченцы принимались люди, соотвѣтствовавшіе опредѣленной физической нормѣ, изъ четырехъ многоводныхъ губерній (Петербургской, Олонекской, Тверской и Новгородской), гдѣ населеніе было приспособлено къ морской службѣ. Помѣщичьи крестьяне могли быть зачислены только съ согласія ихъ господъ.

И тутъ на сцену появился „патріотизмъ“, вызванный все тѣми же слухами о волѣ, связанной съ военной службой. Крестьяне заволновались, перестали повиноваться своимъ господамъ и глумиться надъ крѣпостнымъ правомъ. Къ указаннымъ губерніямъ присоединились Рязанская, Тамбовская, Владимірская и др. (всего 10 губерній). Крестьяне цѣлыми толпами потянулись въ уѣзды и губернскіе города, въ Петербургъ и Москву, чтобы записаться въ ополченіе. Въ Москвѣ собралось 1371 чел., при чемъ рязанцы пришли вооруженными дубинами и желѣзными пиками. Для водворенія порядка были высланы войска. Убѣжденіями и „мѣрами строгости“ волненія были прекращены.

Въ 1855 году по поводу манифестовъ о воцѣствованіи на престолъ Александра II и о государственномъ ополченіи движеніе повторилось на этотъ разъ въ Кіевской, Воронежской, Казанской, Пермской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерніяхъ. Снова массами двинулись крестьяне въ губернскіе города и въ столицы и снова были примѣнены тѣ же мѣры строгости. При этомъ въ великорусскихъ губерніяхъ, гдѣ не было помѣщиковъ-поляковъ, не приходилось затрудняться выборомъ способа усмиренія. Не только за безпорядки, но даже за жалобы крестьянъ на помѣщиковъ были объявлены военные суды. Въ Воронежской губерніи

движеніе приняло такіе размѣры, что туда былъ посланъ для усмиренія флиг.-адъют. Бигратіонъ. Въ с. Масловкѣ Бобровскаго уѣзда произошло кровавое столкновеніе съ населеніемъ, и въ результатъ оказалось 9 чел. раненыхъ, изъ нихъ 5 тяжело.

Такимъ образомъ и на этотъ разъ крестьянскія волненія были скоро прекращены, и помѣщики возстановлены въ своихъ правахъ.

Само по себѣ стихійное движеніе крестьянъ превращалось по отношенію къ другимъ слоямъ населенія въ факторъ организующій, раабивая культурное общество на мелкія группы съ отдѣльными, противорѣчивыми, часто непримиримыми интересами и вмѣстѣ съ тѣмъ объединяя ихъ необходимостью и неотложностью рѣшенія аграрнаго вопроса. Даже самые отсталые крѣпостники, вынужденные бѣжать въ города изъ боязни насилія со стороны крестьянъ, должны были торопить надлежащія сферы принять радикальныя мѣры къ прекращенію такихъ ненормальныхъ отношеній.

И правительство вынуждено было найти выходъ изъ этого тупика, въ который страна попала, благодаря его безконтрольному хозяйничанью, и прежде всего хотѣ нѣсколько облегчить полицейскій гнетъ, подъ которымъ задыхалось многомилліонное населеніе.

Уже въ концѣ царствованія Николая Павловича наступаетъ нѣкоторая „оттепель“. Въ обществѣ начинаютъ обращаться въ большомъ числѣ рукописныя записки съ разными реформаторскими проектами, въ которыхъ авторы (всѣмъ извѣстные, хотя и не подписывающіеся) осмѣливаются говорить о конституціи, рѣзко нападаютъ на современные бюрократическіе порядки и горячо отстаиваютъ отмѣну крѣпостного права.

Съ восшествіемъ на престолъ Александра II настроеніе общества еще больше поднялось, тѣмъ болѣе что скоро появились и явные признаки наступившей „весны“. Раньше всѣхъ печать испытала на себѣ благотѣльные послѣдствія новыхъ вѣяній. Расширяется область, которой можетъ касаться періодическая литература, разрѣшаются новыя изданія. Университетамъ разрѣшаютъ принимать на всѣ факультеты студентовъ въ неограниченномъ числѣ и возвращаются льготы, отнятыя у нихъ раньше. Отмѣняется цѣлый рядъ запрещеній и жестокихъ распоряженій предыдущаго царствованія.

Всѣ были въ восторгѣ отъ первыхъ шаговъ новаго монарха, не исключая даже представителей самого радикальнаго лагеря. Эмигрантъ Герценъ обращается съ горячимъ воззваніемъ къ молодому императору, совѣтуя отмѣнить крѣпостное право и дать свободу слова русскимъ гражданамъ, а родоначальникъ русскихъ социалистовъ — народниковъ Н. Г. Чернышевскій приходитъ въ такое умиленіе отъ упомянутыхъ выше либеральныхъ мѣръ и доброжелательныхъ намековъ по адресу народнаго просвѣщенія со стороны министра Норова и самого императора, что печатаетъ годовой

Императоръ Александръ II.

отчетъ министра нар. просвѣщенія въ „Современникѣ“, увѣренный въ томъ, что „читателямъ будетъ пріятно съ новой благодарностью къ Монарху припомнить весь рядъ тѣхъ знаковъ Державнаго вниманія къ развитію нашего просвѣщенія, которымъ такъ прекрасно ознаменованъ былъ истекшій 1855 годъ“.

Глубокая радость, охватившая всѣхъ, примиряетъ и объединяетъ самые разнообразныя взгляды; люди изъ разныхъ лагерей, славянофилы, западники, либералы и радикалы готовы поддерживать другъ друга въ интересахъ общей защиты національнаго дѣла.

Крестьянская реформа была объявлена вскорѣ послѣ заключенія мира самимъ монархомъ въ его рѣчи къ московскимъ дворянамъ. Александръ II напоминалъ депутатамъ отъ дворянства о возможности крестьянскаго бунта и предлагалъ подумать о практическомъ осуществленіи отъѣны крѣпостного права. Но дворяне не спѣшили откликаться на призывъ государя и выжидали. Слишкомъ свѣжи еще были въ памяти всѣхъ тяжелые года конца предыдущаго царствованія, и бюрократической инициативѣ весьма мало довѣряли. Дворяне продолжали уклоняться отъ выраженія своего мнѣнія и на съѣздѣ предводителей дворянства лѣтомъ 1856 года по случаю коронаціи, когда правительство, желая избѣгнуть всякихъ треній съ первенствующимъ сословіемъ, всячески старалось толкнуть ихъ сдѣлать первый шагъ въ этомъ направленіи, заставить ихъ самихъ обратиться къ правительству съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ. „Дворяне сознаютъ про себя непрочность своихъ правъ и опасаются *одинакова* народной расправы и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія правительства“, объяснялъ такое упорство дворянъ Ф. Ю. Самаринъ въ запискѣ, представленной великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ ¹⁾. Вопросъ былъ слишкомъ важенъ для обѣихъ сторонъ: и правительство, и дворянство, можетъ быть, и не вполне ясно сознавали, что въ данномъ случаѣ рѣшается старинная тяжба между престоломъ и первенствующимъ сословіемъ и проявляли большую осторожность. Въ то же время печать ничего не смѣла говорить о крестьянской реформѣ, а въ правительственныхъ сферахъ большинство старыхъ бюрократовъ были рѣшительными противниками освобожденія. Такимъ образомъ Александру II пришлось начать свою реформаторскую дѣятельность съ немногими преданными ему сотрудниками. Вся подготовленная работа носила поэтому чисто канцелярскій характеръ. Въ теченіе двухъ лѣтъ были выработаны основные принципы освобожденія крестьянъ, и рескриптомъ 20 ноября 1857 года уже учреждались въ литовскомъ краѣ губернскіе дворянскіе комитеты, которымъ было предложено на опредѣленныхъ

¹⁾ Самаринъ. Сочин., т. II, стр. 139; цитир. по 'н. с. А. Корнилова.

началахъ устроить бытъ крестьянъ на помѣщичьихъ земляхъ. 17 декабря объ этомъ было объявлено во всеобщее свѣдѣніе, и крестьянскій вопросъ могъ отнынѣ обсуждаться всѣми.

Рескрипты были встрѣчены ликованіемъ со стороны передовой литературы. Иванъ Аксаковъ привѣтствуетъ ихъ восторженными стихами. Герценъ свою статью по этому поводу начинаетъ эпиграфомъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“ и вписываетъ имя Александра II въ исторію, полный самыхъ радужныхъ надеждъ на будущее. Чернышевскій уподобляетъ начатое дѣло съ реформой Петра Великаго и выбираетъ эпиграфомъ для своей статьи слова изъ псалма: „возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помазалъ тя Богъ твой?“.

Болѣе трезво отнеслись къ дѣлу помѣщики, которые сами должны были просить теперь объ учрежденіи комитетовъ и въ другихъ губерніяхъ изъ боязни крестьянскихъ безпорядковъ. Въ теченіе первой половины 1858 года комитеты были организованы во всей Россіи, и начались горячіе, страстные споры, которые всколыхнули всю страну. Появился спросъ на знаніе, на литературу, на образованныхъ людей, которые могли бы разобратся въ сложныхъ экономическихъ вопросахъ и трезво оцѣнить политическій моментъ. Всѣ слои населенія были втянуты въ этотъ водоворотъ общественной жизни, всѣ были охвачены общимъ подъемомъ и стремленіемъ къ просвѣщенію.

Постановленія губернскихъ комитетовъ поступали въ редакціонныя комиссіи при главномъ комитетѣ, гдѣ ихъ тщательно изучали, какъ полезный матеріалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень мало принимали во вниманіе при выработкѣ Положенія. Такое отношеніе со стороны бюрократіи должно было только возмущать дворянство, но оно могло надѣяться отстоять свои интересы черезъ своихъ депутатовъ, которыхъ Александръ во время своего путешествія лѣтомъ 1858 года общалъ во многихъ мѣстахъ пригласить въ главный комитетъ для обсужденія поступившихъ туда проектовъ. На самомъ дѣлѣ они были приглашены не въ главный комитетъ, а въ редакціонныя комиссіи и при томъ только въ качествѣ свѣдущихъ людей, когда проектъ Положенія о крестьянахъ былъ вчернѣ уже готовъ.

Для дворянъ, какъ и для правительства, крестьянской реформой создавалось новое положеніе. Дворянскія вотчины изъ маленькихъ государствъ въ государствахъ превращались въ хозяйственныя земледѣльческія предпріятія и лишались своихъ правъ на жизнь и имущество своихъ крѣпостныхъ. На мѣсто помѣщичьяго произвола становится общегосударственный законъ, представителями котораго являются теперь мѣстные бюрократы. Принципъ управленія сохраняется прежній, но объединяетъ теперь всю

страну и подчиняетъ себѣ и помѣстное дворянство. Самый способъ проведения реформы ясно показывалъ, что при всемъ своемъ либерализмѣ начатое правительствомъ дѣло является смѣлой попыткой къ укрѣпленію самодержавнаго бюрократическаго строя. Самодержавіе какъ-будто опирается вначалѣ на народъ и либерально-демократическую интеллигенцію, чтобы ограничить самовластіе дворянства. „Что они (помѣщики) могутъ противопоставить“, задорно вопрошаетъ Герценъ въ упомянутой статьѣ, „когда противъ нихъ власть и свобода, образованное меньшинство и весь народъ..?“ Дворяне сразу оцѣнили измѣнившееся положеніе и, не понявъ въ достаточной степени неизбежной роли бюрократіи въ дѣлѣ укрѣпленія и централизаціи власти, направили свои стрѣлы прежде всего на это средостѣіе между монархомъ и первенствующимъ сословіемъ.

Первая группа приглашенныхъ въ Петербургъ депутатовъ отъ дворянскихъ комитетовъ была крайне возмущена своей ролью экспертовъ и готова уже была подать императору адресъ, въ которомъ просила вторичнаго своего приглашенія для разсмотрѣнія окончательныхъ работъ редакціонныхъ комиссій и для принятія участія въ обсужденіи проектовъ въ главномъ комитетѣ. Но большая часть депутатовъ струсила и 18 человекъ рѣшились только просить, чтобы имъ было позволено представить въ комитетъ свои соображенія на труды комиссій. Тѣмъ не менѣе среди нихъ нашлись пять человекъ, которые смѣлѣе и шире посмотрѣли на дѣло и въ своемъ отдѣльномъ адресѣ выразили пожеланіе, чтобы крестьяне были освобождены съ землей при немедленномъ выкупѣ, нераззорительномъ для помѣщиковъ, чтобы было образовано хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ, чтобы были введены суды присяжныхъ и свобода печати. Они заявляли о своемъ убѣжденіи, что „крестьянское дѣло не можетъ рѣшиться *спокойно* и правомѣрно иначе, какъ на изложенныхъ основаніяхъ“.

Александръ II нашелъ этотъ адресъ „ни съ чѣмъ не сообразнымъ и дерзкимъ до крайности“. Полученныя депутатами черезъ губернаторовъ отношенія „съ разъясненіями“ и „замѣчанія за неумѣстныя домогательства“ распространялись во множествѣ копій и крайне раздражали дворянъ, которые въ видѣ протеста противъ правительства устраивали своимъ депутатамъ оваціи, чествовали ихъ обѣдами, адресами и т. п.

Въ это же время государю были представлены всеподданнѣйшее письмо симбирскаго депутата Шидловскаго и записка камергера Безобразова, въ которыхъ въ виду крайней опасности, угрожающей странѣ, авторы убѣждали государя призвать къ трону представителей отъ дворянства и составить изъ нихъ совѣщательное собраніе для обсужденія крестьянской реформы и всѣхъ другихъ

государственныхъ вопросовъ. Александръ II былъ крайне возмущенъ „непомѣрно наглымъ тономъ“ записки Безобразова, и пришелъ къ совершенно правильному убѣжденію „въ желаніи подобныхъ ему (Безобразову) учредить у насъ олигархическое правленіе“.

Опасаясь широкой агитаціи на предстоявшихъ зимой 1859—60 г. дворянскихъ собраніяхъ, Ланской разослалъ по Высочайшему повелѣнію циркуляры съ воспрещеніемъ касаться вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Такое явное нарушеніе сословныхъ правъ дворянства заставило цѣлый рядъ дворянскихъ собраній выступить съ рѣзкимъ протестомъ. Особенно шумную оппозицію бюрократіи проявили тверскіе дворяне подъ руководствомъ Унковскаго, Европеуса и Головачева. Послѣ сильной рѣчи Европеуса „противъ произвола и бюрократіи“, все угнетающей, ничего не понимающей, ничего не исполняющей и всего боящейся,—бюрократіи, имѣющей въ виду только свои частныя выгоды, прямо противоположныя и интересамъ всего общества и волѣ государя императора, огромнымъ большинствомъ собранія было рѣшено подать всеподданнѣйшій адресъ съ просьбой предоставить имъ право на основаніи закона касаться въ своихъ сужденіяхъ и крестьянскаго вопроса.

Это ходатайство осталось безъ послѣдствій, а губернскій предводитель дворянства Унковскій былъ устраненъ отъ должности. А когда тверское дворянство протестовало противъ такого отношенія правительства демонстративнымъ отказомъ выбрать предводителей и депутатовъ, то послѣдовали еще болѣе строгія мѣры: Унковскій былъ сосланъ въ Вятку, Европеусъ въ Пермь, а Головачевъ былъ отданъ подъ надзоръ полиціи. Печати было воспрещено касаться этихъ событій.

Владимірское дворянство въ январѣ 1860 года также огромнымъ большинствомъ приняло адресъ, въ которомъ въ виду все той же „безгласности производства и безотвѣтственности должностныхъ лицъ“ выставляется цѣлый рядъ преобразованій, клонящихся къ обузданію чиновничества и обезпеченію населенія отъ произвола властей. Они требуютъ строгаго раздѣленія властей, суда присяжныхъ, непосредственной отвѣтственности всѣхъ и каждого передъ судомъ, личной отвѣтственности всѣхъ должностныхъ лицъ и учрежденія „новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита“, повидимому, разумѣя подъ этими мѣрами ту или иную форму контроля со стороны представительныхъ учреждений.

Между тѣмъ редакціонныя комиссіи успѣли ознакомиться съ проектами всѣхъ остальныхъ дворянскихъ комитетовъ и пригласили въ Петербургъ вторую группу депутатовъ, которые, въ большинствѣ своемъ, принадлежали къ черноземнымъ губерніямъ и къ губерніямъ западной полосы. Въ данномъ случаѣ получилось еще